

Максим Кабацкий

**Оправдай
МОЮ
ВОЙНУ**

Максим Кабацкий
Оправдай мою войну

«Издательские решения»

Кабацкий М. С.

Оправдай мою войну / М. С. Кабацкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850959-9

Это история, повествующая о жизни работника английской дипломатической службы накануне I Мировой войны. Молодой, полный жизненный сил и наделённый недюжинным талантом герой хочет только одного — принести благо Короне и верно служить своей Империи, над которой никогда не заходит солнце. Перед бурей ему приходится принять тяжёлое и довольно противоречивое решение... Стоит ли оно того, чтобы отправлять на фронт целое поколение?..

ISBN 978-5-44-850959-9

© Кабацкий М. С.
© Издательские решения

Содержание

Оправдай мою войну	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Оправдай мою войну

Максим Сергеевич Кабацкий

© Максим Сергеевич Кабацкий, 2017

ISBN 978-5-4485-0959-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оправдай мою войну

История моей жизни началась неожиданно и бурно, оказав такое же влияние на ход мировой истории. Я не возвеличиваю себя, и уж тем более, никак не хвастаюсь этим – всё произошло столь стремительно и быстро, что на какой-то момент времени я потерял связь с реальностью. Пороховая бочка была готова вспыхнуть в любую секунду – достаточно было лишь поднести к ней зажжённую спичку. Вот именно этой самой спичкой я и оказался в весьма противоречивой истории.

Началось всё осенью тринадцатого года. Двадцатый век... век немыслимого полёта людской фантазии, прогресса и развития. Изучены все континенты, а моя любимая Империя, чьей верным сыном я и являюсь, простирается везде – Америка, и Северная и Южная, даже Карибские острова... Африка и Океания... и, конечно же, хорошая часть Азии имеет своих подданных Его Величества. Технические достижения нашей инженерной и промышленной мысли не знают предела; растёт не только мирное гражданское производство, но и военное – мы научились делать грозных небесных ястребов – «виккерсы», которые, словно коршуны, способны наброситься на беззащитных наземных крыс; воду охраняет наш великий морской флот, где каждый матрос, будь то подводного или надводного судна, готов умереть за Короля и нашу великую Империю... На суше же идёт работа по созданию больших «консервных банок» – самых что ни на есть стальных бронированных монстров, способных выдерживать удары десятков, а то и сотен солдат; «летающим слонам» ещё только предстоит выковать себя в тяжёлой борьбе, но будущее будет явно за ними. Мир стоит на грани величия... ещё никогда наша Империя не была так могущественна и сильна, как сейчас...

Каждый поданный могучей Империи, над которой никогда не заходит солнце, готов на всё ради неё; и я не исключение. Я с детства был воспитан в старом добром духе английских традиций моим почтенным отцом – видным членом Палаты Лордов, не нуждающимся в представлении. Моему образованию он уделял огромное внимание – даже когда я был мелким юнцом, которому ещё только предстояло узнать мир, он, со свойственной нашей семье выдержкой и усердием обучал меня, как и точным наукам, так и гуманитарным, делая акцент на классиков нашей прекрасной английской научной мысли. Работы Фрэнсиса Бэкона и Иеремия Бен-тама были моими настольными книгами, которые с неподдельным и искренним усердием я периодически штудировал. Во время учёбы в Оксфорде моими познаниями мыслей классиков восхищались и виднейшие профессора, потратившие ни один десяток своей жизни на тяжёлый и важный преподавательский труд; со своими друзьями-студентами, чьи отцы в большинстве своём тоже были почтенными лордами, мы нередко собирались для светских бесед в клубах, совместно рассматривая ряд проблем современности. Я не жалею о своём прошлом – я получил всё, что мне нужно было; и всё – благодаря моему строгому, но справедливому отцу, и своему невероятному кропотливому усердию.

Тогда мне все пророчили большое будущее, чуть ли не восхищаясь гению моего таланта. Увы, но к моему величайшему сожалению, они не ошиблись. Судьба действительно была ко мне благосклонна, и я, будучи возвращенным с малых времён в консервативных, старых добрых патриотических кругах, смог найти своё место в этой жизни – мой ораторский талант и мастерство, которые поражали многих, нашли своё применение на практике; не без связей отца и моего интереса к языковедению, мне удалось занять хорошее место в дипломатической службе Его Величества. Работа была интересная, но в тоже время сложная – множество словесных раундов и поединков мне предстояло выдержать, проделав долгий путь от работника дипломатической миссии в одной азиатской стране, заканчивая помощником нашего distinguished дипломата в Германии.

Постепенно мой талант становился всё более и более заметным внутри страны – к моему мнению прислушивались даже парламентарии, и поговаривали, что даже самой королевской семье было известно о моих усилиях на благо Империи, о моих порывах и действиях. Мне предписывали и дальновидные высказывания, которые не потеряют актуальности сквозь века, и ораторский талант, способный пробудить в сердцах настоящих англичан столь близкое всем нам чувство любви к нашей великой стране. Не скрою – мне было приятно от всех этих искренних речей, но когда все тебя считают гением, внутренний конфликт всё-таки неизбежен: я не знал и не был уверен, всё ли так есть на самом деле, или же это просто следствие обыденных речей, в истинности которых следует сомневаться. Нам, дипломатам, к этому не привыкать – довольно часто, чтобы ввести в заблуждение своего оппонента, приходится просто расплываться в улыбке и чистосердечно обещать вечный мир, от которого мы никогда и в мыслях не посмеём отойти. Так было и во время нашей последней встречи с немецкими коллегами – все только и говорят, что конфронтация неизбежна; но я приложил все усилия, чтобы заверить немецкую сторону, что мы никогда недопустим никакой новой войны.

Я просто делал то, что мне привили ещё с ранних детских времён – верно и преданно служить своей стране. Этому принципу я следовал всю свою юность и зрелость, если последнюю уже можно считать состоявшейся – подумаешь, только спустя пару лет пойдёт четвёртый десяток... это разве ещё зрелость, или всё-таки наивная и импульсивная молодость?..

Из-за всё накалявшейся международной обстановки и борьбы за сферы влияния, лагеря «ястребов» разных стран и империй постоянно твердили в своих выступлениях и прессе – «Война неизбежна!». Они подначивали руководство своих стран через общественное мнение, подтачивая и без того шаткое положение мира. Мы не были исключением – в Королевстве редкая газета не затрагивала этого вопроса. Будто бы всё уже было решено, и все всё знают – но не хватает только лишь формального повода, желанного *casus belli*¹ для начала столь решительных действий.

В виду участвовавших контактов с немецкими коллегами, мне всё меньше удавалось побывать на близком сердцу туманном Альбионе – Берлин стал моим вторым домом, приютившим меня на последние месяцы. Раньше, когда дела не обстояли таким образом, я частенько проводил время в городке неподалёку от Лондона; в нашу же могучую столицу мне тоже приходилось выбираться, и не только по работе; конечно, надо было получать инструкции и координировать действия с Министерством, но мне всегда нравился этот спокойный, но в то же время шумный городок, раскинувшийся на берегах могучей Темзы – его тихие осенние скверы успокаивают, а в гостеприимном салоне или клубе меня всегда были рады видеть, выслушивая мои истории о дипломатических подоплёках. Конечно, не всё я рассказывал и говорил им открыто – разглашение некоторых вещей это самая настоящая измена Короне, и мне приходилось ограничиваться либо общими формулировками и фразами, которые были «одобрены» для публичных речей, или же делать акцент на сами берлинские прогулки и неформальное общение с видными общественными и политическими берлинскими деятелями. Меня внимательно выслушивали, задавали множество вопросов – было видно, что лондонские джентльмены всегда рады узнать что-то новое; это и немудрено, в силу последних дипломатических событий.

Однако это только на первый взгляд по моему рассказу может показаться, что дипломатия – искусство мира, и что дружелюбие и открытость играет ведущую скрипку в позиции каждого дипломата. Действительно, с публичной точки зрения всё так и есть – в обществе всегда и везде следует себя показывать и вести подобным образом, чтобы ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в правильности отстаиваемой позиции. Но ведь дипломатия – вещь всегда далеко не публичная; довольно часто приходится обсуждать некие сложные и противоре-

---

¹ Лат. Повод для войны.

чивые вопросы в тайном, ограниченном кругу лиц. Тут-то и вскрывается истинное лицо всех переговорных процессов...

Раньше, когда график встреч не был таким плотным, в Лондоне мне приходилось бывать не только с чистосердечным визитом, ходя по шумным улочкам и наслаждаясь осенними опавшими листьями – предстояла масса запланированных выступлений. Места и публика бывали довольно различными – от встреч с представителями политических партий и министерств, заканчивая даже отчётами о проделанной работе перед премьер-министром. Злые языки, особенно иностранной прессы, иногда любили поговаривать, будто бы я разглашаю важные государственные секреты, и даже выступаю неким «дирижёром» их политики. Разумеется, подобные нападки не соответствовали объективной действительности – это признавали даже мои зарубежные коллеги, которые тоже нередко подвергались едким высказываниям, особенно в нашей прессе. Да... накануне войны лишь лентяй не жаждет обвинить дипломатов чужой страны во лжи и лицемерии.

Я никогда не был конфликтным человеком. Если и встречались на моём жизненном пути случаи, которые надо было решать силой, я либо умело избегал их, выставляя всё так, будто бы ничего и не было, либо же делал всё чужими руками. Зачем лезть на рожон, если за тебя запросто могут полезть другие? Тем не менее, мысль моя относится не только к бытовым и жизненным вопросам – речь идёт про решение противоречий на мировой арене. Действительно, зачем воевать, тем самым полностью подрывая авторитет своей страны перед всем сообществом? Сторонником этого подхода я был не в виду гуманизма и человеколюбия, а по чисто практическим соображениям; превыше всего для меня была моя Родина – моя Империя. А развязав войну там, где она не нужна, можно принести ей больше вреда, нежели чем пользы...

Тем не менее, открытым и полноценным врагом войны я никогда не был – бывают такие накопившиеся и никак иначе неразрешимые противоречия, что только лишь кровь войны способна смыть их. Пусть за тебя воюют другие, но иногда бывает такие войны, когда... когда приходится пролить ни одну пинту английской крови. Я всегда с искренней горечью вспоминаю такие эпизоды из нашей истории... столько храбрых англичан положили свои головы и кости на благо нашей великой страны. И смерть каждого для меня – личная трагедия. Сейчас же, когда мы стоим на стыке штыков и смены поколений, этот вопрос становится актуальным как никогда прежде.

Величие нации или кровь молодых юнцов... этот вечный вопрос встаёт перед главами стран на протяжении всей человеческой истории. «Дерево свободы нужно поливать время от времени кровью патриотов...» – накануне войны я даже и не осознавал, насколько был прав один американский сепаратист, позднее ставшим президентом молодой республики. Скоро настанет время, когда и нашему народу будет суждено взвесить на невидимых вселенских весах эти две ценные для всех нас вещи...

«...Я не хочу войны; никто не хочет войны. Но если она будет целесообразна и необходима, действительно принесёт благо Короне, то я буду первым, кто поддержит её...» – незадолго до своего отъезда сказал я в небольшой речи на собрании одного крупного лондонского клуба. Так, пожалуй, и можно описать мои мысли и чувства, назревшие соображения по этому вопросу. Всё меняется слишком быстро. Казалось, что ещё вчера подобная резня немыслима – но скоро, скоро всё решится; тихие и спокойные деньки подходят к концу – назревает нечто крупное и ранее немыслимое всему человечеству...

Этот сложный душевный конфликт не даёт мне покоя – я всё прекрасно понимаю, что всё это неизбежно произойдёт; но держусь – внешне не подаю никаких признаков и сомнений в верности дела мира. Эта немецкая поездка вымотала все мои силы – столько красивых и громких слов было сказано; пресса уже успела расхватать их на цитаты, усердно и тщетно уверяя народы наших стран в мирных намерениях государей; но мы, дипломаты, всё прекрасно

понимаем – нужна лишь маленькая искорка, хоть какой-нибудь видный повод, чтобы всё началось.

Тем не менее, это и моя личная трагедия – за время нашей работы (это была не первая моя поездка в Германию) мы успели сдружиться с немецким дипломатическим корпусом – душевные неформальные встречи с министром иностранных дел и его помощниками, банкеты и светские вечера, где мы обсуждали отвлечённые вопросы... Это было самым чистым и искренним в этой тяжёлой работе – это были те редкие моменты, когда мы могли, не притворяясь, быть обычными людьми, и не побоюсь этого слова – взаимные друзьями, обменивающимися обыденными, в чём-то банальными фразами – любое обсуждение политических вопросов на таких вечерах у нас считалось моветоном; нельзя смешивать работу и дружбу – это может плохо кончиться.

За всё это время я успел сдружиться с одним солидного возраста немецким дипломатом, фон Эрихом – шестого десятка лет энергичным и не потерявшим хватку львом «старой гвардии» (так у нас было принято называть тех, кто имел богатый дипломатический опыт и успел поучаствовать ни в одном напряжённом конфликте). Между нами, дипломатами разных стран была определённая дружба; но дружба особая, какой не может быть между людьми, не связанными столь специфическими рабочими условиями. Она была двойственна – во всём том, что не касалось рабочих вопросов, мы искренне общались и обменивались мнениями, порою в чём-то даже помогая друг другу; но стоило нам схлестнуться на дипломатической арене, как эта дружба переходила в скрытую вражду – при всей размашистости улыбки и крепкости рукопожатий, мы были готовы перегрызть глотки друг другу, лишь бы добиться более выгодного для нашей страны соглашения. Вся дружба мгновенно исчезала – это было общее правило; не только по сношениям с германцами. Однажды с нами приключился довольно интересный случай – в одной восточной стране один юный дипломат настолько сдружился с нашим послом, что в силу этой «дружбы» выведал ему государственные секреты. Мы тогда смеялись всем корпусом – он потерял всякое уважение в наших глазах. Он искренне полагал, что мы – его друзья, которые желаем ему и его стране только лишь процветания и счастья; но это, разумеется, было не так – всё что нас заботило, так это интересы нашей собственной страны, но никак не его.

Подобные легкомыслие и наивность не только вредны дипломатам, но и губительны – помимо ущерба своей стране, они полностью теряют всякое уважение в наших глазах; нет, конечно же, мы будем с радостью пожимать им руку и хлопать их по плечу, широко улыбаясь, но считая его за человека недалёкого и глупого, который по ошибке природы оказался на таком важном государственном посту. Что же – верх человеческой глупости не воспользоваться глупостью другого, так ведь?

Эта особая дружба зиждилась на двух вещах – на уважении к высоким дипломатическим способностям, когда ты чувствуешь, что твой оппонент – человек широкого кругозора и недюжинного таланта, способный грамотно отстаивать озвученную ему позицию. Когда тебе красивым и дипломатичным образом подадут информацию, которая и не звучит как-то неправильно или обидно, но ты прекрасно понимаешь, что на сущностном уровне тебе хотели сказать за этой внешней, формальной стороной – нередко ловишь себя на мысли гениального человека, способного так передать суть и скрытое послание. Вторым же основанием было то, что объединяло нас всех – преданность своей стране, патриотизм. Да, каждый из нас, кто работал на этом посту, орудовал словом во благо своего государства. И в зависимости от того, насколько искренен дипломат в своих словах и заявлениях по отношению к интересам своей страны, было ясно, что для него эта работа – просто обильное словоблудие, или истинное служение государю. Хоть мы и были оппонентами и иногда врагами, мы с уважением относились к преданности человека к своей стране и своему народу, даже если они были враждебно настроены по отношению к нам.

Другим крайним моветоном считалось неуважение к патриотизму своего оппонента; ведь если человек не солидарен в любви к Отечеству своего врага, то он не может любить и своё собственное. Это принцип, вкупе с предыдущим, и закладывал основы, как и уважения, так и презрения дипломатов друг к другу. Если человек сдаёт интересы своей страны ради похвалы, равно как и плюёт на любовь других людей к своей, он подвергается всеобщему осуждению, и ему даже не хочется пожимать руку; человек же, неспособный к грамотной и долгой стратегии в дипломатических шахматах подвергается не меньшему презрению; ведь что он здесь тогда забыл, если он некомпетентен, и своими действиями способен приносить лишь вред, но никак не пользу своей стране?

Таковы были тонкости моей дипломатической службы. Точнее, лишь малая толика их нюансов. Действительно, дипломатическому искусству сейчас всё реже и реже можно научиться – это особый дар; мастерство в руках талантливого оруженосца, идущего в поход во благо государственных и народных интересов.

Нет, я не возвеличиваю себя – дипломат, как человек, прежде всего, определяется его отношением к себе подобным, к своим «братьям» по призванию. Фон Эрих был талантливым дипломатом современности, которого я никогда не забуду – не без его соучастия был продлён ныне проклинаемый нами Тройственный Союз – в 1902 и совсем недавно, прошлом году. Его речь на встрече глав государств до сих пор слышится отголосками в газетных заголовках солидной прессы. За свою жизнь он успел поспособствовать становлению великой Германии – особенно он отличился в запоздалой германской колонизации, всячески оправдывая рост немецкого колониализма, попутно заключая выгодные соглашения с соседними странами. Его усилия в германских Самоа известны и уважаемы всеми нами – столь тонкая дипломатическая игра в ходе восьмилетней гражданской войны на островах позволила Германии урвать стратегически ценный городок Апия, который мы планировали присоединить к нашей Новой Зеландии. Одним словом – человек, сделавший себе имя честной и грамотной службой на благо Германии.

О моих заслугах он тоже был наслышан. Конечно, мой послужной список был не таким огромным, как его, но фон Эрих всё списывал на мой маленький возраст. «...Вы только начинаете свой жизненный путь, а о Вас уже наслышана добрая часть Европы... Вам ещё предстоит вершить судьбу мира...» – никогда не забуду эти пророческие слова, сказанные им с его характерной почти невыразительной улыбкой, произнесённые им на банкете по случаю нашего отъезда. Судя по донесениям посла, нас заменяют – наверное, есть на то объективные причины. Это была наша последняя встреча с фон Эрихом – последняя, когда мы ещё могли быть друзьями.

Берлин был красив в это осеннее время года – по его чистым улочкам было приятно ходить, а педантичность немцев в планировке зданий поражала своей приятной строгостью; холодный северный ветер приятно обволакивал тело, когда я сидел на скамейке в парке незадолго до отъезда – я любовался этой расчётливой немецкой красотой, прекрасно понимая, что уже больше никогда не вернусь сюда. Кайзер хорошо потрудился над выстраиванием своей Империи – конечно, по просторам и масштабам ей не сравниться с нашей, но, тем не менее, немцы, славившиеся своей точностью и практичностью, умело использовали ограниченную территорию для строительства и проживания – всё было ровненько; без характерных для улиц городов витиеватости и просторности. Немцев – много, а земель – мало... эта мысль никак не могла не подрывать в умах последних веру в вечный мир, лишь «подогревая» воинственные головы радикально настроенной шовинистической части общества. Сейчас, пока ещё царит мир, я не мог упустить случая, чтобы не пройтись по Берлину в последний раз и запомнить его таким навсегда – более, при моей жизни он никогда не будет прежним; война его окончательно изменит.

Отозвали нас, как нельзя, вовремя – немцы предлагали подписать что-то вроде «Декларации о незыблемости мира» – документа, выражающего «добрые намерения суверенных империй жить в мире и процветании». Хоть оно и не имело никакой юридической силы и чётких формулировок, в общественном мнении оно могло бы сбить накал страстей и отсрочить на годик-другой то, что вот-вот должно начаться. На какой-то момент я даже подумал, что информация об этой «декларации» уже успела дойти до наших правительственных источников...

Вернувшись в Лондон, я долго бродил по туманным позднесенним улочкам – снег ещё не грянул, но было прохладно; с Темзы дул холодный, пробирающий почти до костей ветер, а её буйные и беспокойные тёмные волны были похожи на грядущую бурю, которая станет чем-то подобным для братских народов Европы...

Шумные улицы были беспокойны; каждый куда-то усердно спешил, стараясь уделать как можно больше дел за короткий промежуток времени. Начиная от детворы, юрко перепрыгивающей и разносящей газеты, заканчивая пожилым джентльменом, устремившимся на очередную деловую встречу. Деревья в парке уже успели обнажить свой могучий стройный стан, сбросив золотистое одеяние из хрупких листьев. Было пасмурно, и несколько тоскливо – будто сама природа понимает, что скоро произойдёт. Словно, следующая спокойная осень уже не наступит, и надо уйти на заслуженный покой – затаиться, проникшись тоской

безнадёжного положения. Эта осень... увы, но молодое поколение, которому ещё только предстоит лицезреть всю красоту осенней природы, увидит её в последний раз. Кому повезёт, и им удастся пройти сквозь все ужасы предстоящего, начав рано убивать, уже не будут способны понять и постичь столь своеобразной красоты былых времён...

День близился к концу. Темнеть ещё не начало, но погода начала давать первые признаки приближающегося бурного вечера – ветер начал характерно свистеть, периодически завывая, а тёмно-серое тоскливое небо начало покрываться мелкими тучками, со временем, слившись в единое полужёлтое целое. По безлюдным улочкам Лондона уже никто не спешил; один я сидел в парке на холодной скамейке неподалёку от берега могучей Темзы. Было как-то несколько грустно, и одновременно печально на душе. Да... тяжёлое, попросту невыносимое испытание нам всем предстоит...

– Что же Вы грустите? – Тактичный и сдержанный знакомый голос прервал мои мысленные переживания. – Негоже бравому дипломату, младшему Уильяму Питту нового, XXI века впадать в уныние!

Это был мой непосредственный начальник, недавно отозванный из Германии вместе со мною посол. Приблизительно того же возраста, что и фон Эрих, с твёрдым стоическим выражением лица представитель «старой гвардии». Сильный, талантливейший человек... а ведь я даже и не заметил, как он подкрался сзади и уселся рядом со мною. Он был в своём обычном нерабочем облачении – с его любимым чёрным, как смола котелком и тёмно-серым, словно недавнее безликое небо, пальто, сливающим его с толпой. Последняя часть фразы звучала более... живой и доброжелательной. Но мы обо прекрасно понимали, что это была весьма грубая и неприкрытая лесть; видать, мой столь угрюмый вид, с которым я хожу последнее время, сильно удручает его, что он безосновательно сравнивает меня с величайшим премьер-министром начала XIX века...

Однако подобное не лишено и смысла – в столь сложные для нашей Империи часы, нельзя предаваться унынию и грусти; это может сыграть на руку нашим будущим врагам. Всегда нужно быть на чеку – он уныния до гибели всего один шаг.

– Рад видеть Вас сегодня. – Бодрым тоном с несколько оживлённым выражением лица, ответил я ему. – Какими судьбами?

– Вот, уже получше! – Слегка улыбнувшись, он быстро сделал серьёзное, но доброжелательное лицо – с эмоциями тоже не стоит перебарщивать, скатываясь в другую крайность. –

Друг мой, у меня есть для Вас довольно интересная новость... – Выдержал он интригующую паузу, пытаясь этим хоть как-то пробудить меня от сонной задумчивости разума.

– Я слушаю. – С долей интереса быстро ответил я ему поставленным голосом. И действительно, было интересно, что стряслось на этот раз, и с другой стороны – из уважения всегда надо выказать определённую порцию заинтересованности, дабы не навлечь на себя осудительных мыслей и поспешных, но весьма быстротечных выводов.

– С Вами хотят встретиться... – Всё тем же голосом, продолжил посол свою речь, но в какой-то момент... умолк, что ли.

– В чём проблема? Пусть запишутся у секретарши и...

– Нет, мой друг, Вы меня не поняли... – Слегка огорошенным тоном посол продолжил свою речь. – Это не просто встреча. В общем,... не знаю как Вам и сказать, но... с Вами хочет встретиться человек из королевской семьи.

– Со... мною? – Полностью пробудившись от невнятного состояния и «включив» свой рассудок, я погрузился в осмысление столь неожиданной для меня информации.

– Да... с Вами. – Посол, печально вздохнув, достал из кармана запечатанное письмо с королевской печатью. – Это просили передать Вам лично в руки. Вскрыть дома, наедине с самим собою и своими мыслями. Остальной протокол подобного уровня корреспонденции Вы и без меня прекрасно знаете...

– Друг мой, понял Вас! – С некоторым энтузиазмом и блеском в глазах, ответил я. Мне даже показалось, что мой голос слегка прорезался едва заметными звонкими нотками. – Спасибо за...

– Не стоит благодарностей, – перебив меня, он, посмотрев на меня, слегка улыбнулся, сказав, – это ведь моя работа. Более того – это ведь наша работа. Наша служба Короне Его Величества.

– Да, всё так. – Холодно подтвердил я.

– Что же, прошу меня извинить, но я должен Вас покинуть. – Быстро проронил он. – Честно сказать, у меня сегодня были совсем другие планы, но это срочное письмо, которое попросили передать лично Вам, мягко говоря, выбило меня из такта. – Со спорной и невнятной усмешкой, произнёс он. То ли, чтобы смягчить кажущуюся ему комичность ситуации, то ли от некоторой зависти, что подобный конверт достался мне, а не ему.

– Ничего, я всё прекрасно понимаю. – Обнадёживающим тоном ответил ему я. – Хорошего вечера!

Когда мы распрощались, посол поднялся со скамьи и быстрым шагом устремился в сторону центра. Мой же неподдельный интерес был прикован к этой триединой смеси бумаги, чернил и красного сургуча – действительно, всё как и положено; на моё имя, королевская печать... что-то, видать, серьёзное. Мне ещё не доводилось встречаться ни с кем из королевской семьи, а тут даже целое письмо...

Конверт я спрятал во внутренний карман своего пальто – тот, что ближе всего к сердцу. Внешне может показаться, что я воспринял холодно такое известие, но в душе у меня заиграли приятные и радостные чувства. Не думаю, что это письмо от самого Его Величества, но королевская семья... далеко не каждый знатный член нашего общества удостоивается подобных встреч. Этим, наверное, и объясняется столь хандривая реакция моего начальника, которому я верно служу последние долгие годы. Всё же, его статус в обществе и на государственной службе гораздо выше моего, да и те дела, к которым он причастен... однозначно, у него ранее были подобные встречи. Даже с самим королём – я точно помню; он сам мне рассказывал. А ещё это странное сравнение с достопочтенным господином Питтом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.